

Т.К. ГУСЕВА
(Москва)

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ
СХОЖДЕНИЯХ РУССКОЙ
И ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУР:
Л. АНДРЕЕВ И М. ДЕ УНАМУНО
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ РУБЕЖА
XIX–XX вв.**

Предпринимается попытка выявить причины для возникновения схождений типологического типа русской и испанской литературы рубежа XIX – XX вв. на примере сопоставления оригинальных вариантов гуманистического предэкзистенциализма психологического типа в творчестве зачинателя движения «поколения 1898-го года» Мигеля де Унамуно и Леонида Андреева, родоначальника русского экспрессионизма.

Ключевые слова: *экзистенциализм, типологические соответствия, Унамуно, Леонид Андреев, потерянное поколение, аналогия.*

Целостное пространство русско-европейской литературно-художественной традиции пронизано внутренними диалогами, историко-культурными параллелями, носящими зачастую характер стихийный. Общие тенденции развития – в рамках единого процесса взаимодействия литературно-художественной и философской составляющих, аналогичных исторических условий кризисного сознания – обеспечивают наличие предпосылок для типологических схождений. Отмечаемые многими испанскими писателями и философами XIX–XX вв. (М. де Унамуно, Х. Ортегой-и-Гассетом, Х. Рамоном Хименесом, Э. Пардо Басан, Ф. Гарсией Лорка и др.) близость русского и испанского духа, аналогии между национальными характерами могут быть дополнены, если обратиться к концу XIX – началу XX в., параллелью исторического и художественно-эстетического развития.

На испанскую литературную ситуацию рубежа веков определяющее воздействие оказал длительный политический кризис, начавшийся поражением в испано-американской войне и утратой колоний (1898). События эти отозвались подъемом национального самосознания, художественно-философской мысли – вторым (после XVI–XVII вв.) Золотым веком испанской культуры.

Оцепенение, боль «кризисного поколения» от провала, ставшего вехой в процессе крушения традиционных имперских ценностей и обнаружившего тупиковость исторического момента, подобны переживаемым *потерянным поколением* России. Волна революционных переворотов, гражданской войны также отразилась во всплеске художественной мысли, Серебряном веке культуры.

Скачок в развитии, расцвет культуры в этот период – второй Золотой век испанской и Серебряный век русской соответственно – стали беспрецедентными, породив новые, во многом сходные, направления духовного, художественно-философского поиска, создав новые формы и жанры, произведения, вошедшие в мировую классику. Подвигала творческую личность к художественному новаторскому самовыражению сама духовная атмосфера переломной эпохи.

Общеввропейские изменения в устоявшихся взаимоотношениях природы и человека, ощущение нивелирования человеческой индивидуальности в Испании и России насаживались на своеобразные национальные (во многом аналогичные друг другу) исторические обстоятельства. Это вызвало пронзительное чувство надвигающейся (в России), свершившейся (в Испании) катастрофы – поэтому общеввропейские духовные искания, потребность философско-художественного осмысления изменившейся ситуации обрушившихся традиционных принципиальных представлений о добре, истине, прекрасном в Испании и России равно приобрели болезненно-надрывный характер.

Унамуно и Андреев разделили в полной мере и отразили в своем творчестве чувства стыда и смятения «поколения катастрофы», спровоцированные провалом в войне, крушением национальной идеи и кровавым революционным бунтом соответственно. Состояния писателей перекликаются: у Унамуно «болит Испания», у Андреева после революции появилось новое, всепоглощающее чувство – «болезнь России» [1, с. 98].

Временные рамки творчества зачинателя движения «поколения 1898-го года» и родоначальника русского литературного экспрессионизма приходятся на конец XIX – первую треть (Унамуно), первые два десятилетия (Л. Андреев) XX в. Испанский и русский писатели выразили, каждый по-своему, момент в процессе становления самосознания поколения. Обоим

равно свойственны основные параметры художественного сознания XX в., определяющиеся, прежде всего, кризисом рационалистической философии, телеологической концепции предопределенного Богом либо природой разумного мироустройства. Агностическая тенденция отрицания / ограничения возможности познания сущности объективного мира и его закономерностей, сомнения, опровержение религиозных ценностей и всплеск атеистических настроений вели к душевному разладу.

Искания Унамуно и Л. Андреева равно отразили то главное в художественном сознании и науке, что обозначилось на стыке XIX–XX вв. – загадки личности, несущей в себе пустыню, бездну, дыхание смерти, для которой «смотреть в себя» стало равнозначно «смотреть в пропасть» [9, с. 112]. Писатели создают целостную систему, оригинальную и своеобразную и в то же время типичную для своего времени, выразившую в концентрированном виде саму метафизическую атмосферу эпохи.

Художественно-философский анализ действительности русский и испанский писатели проводят в рамках предтечи русско-европейской «потерянной» традиции. Сознанию «потерянного поколения» свойственна та или иная степень дезинтегрированности. Индивидуалистическому по сути, ему недоступна коллективистская ориентация – слияние с народом, государством, партией или классом. Л. Андреев и Унамуно, противопоставившие внешнему миру иронию, едкий сарказм, угрюмое отчаяние, ярость, всестороннее критичное неприятие действительности, пришли к моменту «потерянности», будучи уже зрелыми людьми, сложившимися мастерами. В целом присущее «потерянному поколению» акцентирование аспектов социальной проблематики уступает место в их случае подчеркнутой асоциальности, интровертивной ориентированности и сосредоточенности не на внешнем, изменчивом, преходящем, конкретно-историческом, культурно-социальном налете в человеке, но на неизменной, глубинной его стихии – *бессознательной воле*. Так, характерная для выразителей поколения проблема раннего познания ужасов войны, близости смерти, нахождения *на грани*, превращавших дальнейшую мирную жизнь в череду малозначительных событий, трактуется Унамуно и Л. Андреевым («Мир во время войны», 1897; «Красный смех», 1904) в философском суггестивном плане.

Прозрение, выдвигание Личности на первый план, в центр вселенной стало следстви-

ем социальной драмы, ломки идеалов прошлого. Культурно-философский феномен Серебряного и второго Золотого веков был предопределен эстетической переоценкой соотношения индивидуального и коллективного начал в общественном мировоззрении и художественном творчестве. Символисты и «поколение 1898-го года» увидели в Человеке ценный микрокосм, самодостаточный феномен, равный по значимости Богу и обществу, и сделали основным объектом творческого исследования его внутренний мир, мысли и чувства. Позиция народников и непосредственно предшествующих «1898-му году» натурализма и критического реализма (доминирование коллективного и подчиненность ему или замалчивание индивидуального начала, ценностное превалирование общественно-политического над философско-художественным вектором) была опровергнута.

Именно в духовном возрождении индивидуала виделось решение ставшей для Испании и России стержневой проблемы национального возрождения / осознания. Философы и писатели (Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, Х. Ортега-и-Гассет, М. де Унамуно и др.) ориентируются в своих поисках на Человека, стремясь через изменение личности преобразовать общество. Через исследование частного духовного кризиса персонажа, носителя идей эпохи, отражающего, прежде всего, авторское мировоззрение, писатель жаждет приблизиться к решению национального вопроса, поэтому все произведение структурно центрировано на главного героя. Второстепенные персонажи, сам сюжет, не представляя самостоятельного интереса, акцентируют мысль автора. Действие зачастую предваряется / завершается ключевым тезисом. Оно практически вытесняется философскими диалогами или монологами, несобственно-прямой авторской речью – подчеркнуто суггестивной, экспрессионистической (Л. Андреев), избыливающей окказионализмами (Унамуно) – все это направлено на доказательство авторского философского кредо.

На переднем плане Л. Андреева и Унамуно – амальгамная лирико-философская проза, антиисторичная, игнорирующая конкретику и точность деталей, импрессионистически туманная, неоклассически избыливающая реминисценциями из античных классиков и библейских сюжетов, окказионализмами, публицистическая эссеистика свободной композиции и произвольной формы изложения индивидуальных авторских впечатлений,

соображений, трактовки темы; поэзия (Унамуно), драма с преобладанием абстрактного философско-эссеистического вектора. Экстериоризируются приобретшие основополагающий статус субъективные переживания, моменты творческого процесса.

Новаторство в области формы и языка Л. Андреева и Унамуно определяется желанием трансформировать жанровые каноны сложившейся системы в стремлении найти художественные структуры, более выразительные и наполненные, потенциально способные глубже передать внутреннее содержание. Оба писателя, по-своему понимая роль и место творческой индивидуальности в художественной структуре и жизни общества, равно стояли у истоков процесса размыкания, концептуального и формального, границ, размывания устоявшихся норм реализма, отторжения традиционной жанровой схемы.

В философской концепции испанского и русского писателей вызревает экзистенциализм. Хотя хронологически Унамуно и Л. Андреев опережают его, можно охарактеризовать их художественное мироощущение (основные принципы которого – структурная фрагментарность, обусловленная потребностью выявить метафизическую природу предмета и явления, поиск подлинной сущности себя и мира, интерес к иррациональному, эмоциональному, отрицание логики) как оригинальный вариант гуманистического предэкзистенциализма психологического типа.

Сравнение Унамуно с Л. Андреевым наглядно демонстрирует моменты типологического схождения русского и западноевропейского экзистенциализма и фундаментальные различия. Ярким примером может служить сопоставление «Жизни Василия Фивейского» (1903) и «Святого Мануэля Доброго, мученика» (1931). Своей повестью Унамуно вступил в прямой диалог с русским писателем [5].

В творчестве обоих писателей, не укладываемом в рамки гармонической классической литературы XIX в., к XX в. выкристаллизовалось метафизическое предчувствие неблагополучия, потерянности (Унамуно) / ужаса, катастрофы (Андреев). Аналогичны главенствование внеположенной воли – «незнакомому богу» (Унамуно), «некоего в сером» (Андреев) – над судьбой человека, лишь мнящего, что от него что-то зависит. Понять предел распространения высшей и человеческой воли равно входит в задачи и Л. Андреева, и Унамуно, – доминирующая непознаваемая сила опровергла тезис разумного, осмысленного,

целенаправленного, этически ориентированного бытия.

Причины различия – свойственное классическому стилю испанской литературы взаимное прорастание высокого трагичного и низового комичного культурных пластов; сильный фольклорный компонент. Кроме того, осознание бессмысленности жизни перед лицом неизбежной смерти (вопреки сближающей с Достоевским нескончаемой рефлексии, дуальности, пограничности) вело Унамуно вслед за Толстым к отчаянному поиску абсолютно морального критерия, к Богу; в основе его учения – нравственные христианские заповеди, требование любви к людям.

Л. Андреев, подобно Унамуно, «принадлежит к поколению, воспитанному на Достоевском. <...> лучезарном поэте нашей совести», как справедливо отметил поэт и литературовед Серебряного века И.Ф. Анненский (1909) [2, с. 147]. Его тянет к себе «бездна души», ему свойственны идущие от Достоевского «фантастичность» реализма, полифоничность, трагичность и мистериальность сознания, воплощающие двойственность и непознаваемую таинственность бытия.

Достоевский усомнился в «разумном» человеке рационалистической эпохи. Но если в его индивиде со всей очевидностью проявляется стихия иррационального, писатель гордился тем, что «впервые вывел настоящего человека *русского большинства* и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону» [9, с. 766], то в индивиде Андреева иррациональное, бессознательное, инстинктивное доминирует. Находясь в сходной христианской системе нравственных ценностей, он продолжает начатое Достоевским исследование «трагизма подполья, состоящего в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его» в намеченном им русле этически-нравственной первопричины «уничтожения веры в общие правила. “Нет ничего святого”» (Там же). При всей сходности трактовки фатальной несвободы человека, главное, что их различает, – наличие абсолютного (Достоевский, а также Унамуно, как мы уже указывали) – относительного (Андреев) нравственного чувства.

Литература

1. Андреев В.Л. Детство. М. : Сов. писатель, 1963.
2. Андреев Л.Н. S. O. S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб. : Atheneum; Феникс, 1994.

3. Анненский И.Ф. Иуда // Книги отражений / изд. подгот. Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М.: Наука, 1979. С. 147–152.

4. Беззубов В.И. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллинн: Ээсти раамат, 1984.

5. Гусева Т.К. К вопросу о богоборчестве: испанская и русская версии // Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2011. № 4. С. 9–21.

6. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века: Диалоги на грани столетий. М.: Флинта: Наука, 2002.

7. Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева. 1892–1906. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.

8. Материалы к биографии // Л. Андреев. Проза. Публицистика. М.: АСТ: Олимп, 2001. С. 531–627.

9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения в двух томах / пер. Ю.М. Антоновского под ред. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 5–237.

10. Примечания // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Л.: Наука, 1989. Т. 4. С. 723–782.

11. Тергерян И.А. Мигель де Унамуно: личность, свершения, драма // М. де Унамуно. Избранное в двух томах. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 1. С. 5–28.

12. Унамуно М. де. Святой Мануэль Добрый, мученик // Избранное в двух томах. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 2. С. 93–128.

13. Шишкина Л.И. Творчество Леонида Андреева в контексте культуры XX века / Сев.-Зап. акад. гос. службы. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2009.

14. Unamuno M. de. Diario íntimo. Madrid: Alianza editorial, 2008.

To the issue of typological convergences of the Russian and the Spanish literatures: L. Andreev and M. de Unamuno in the context of the epoch of the turn of the XIX – XX centuries

There is attempted to find out the reasons for convergences of the typological type of the Russian and the Spanish literatures of the turn of the XIX – XX centuries by the example of comparison of original variants of the humanistic pre-existentialism of a psychologic type in the creative work of the founder of the movement “generation 98” Miguel de Unamuno and Leonid Andreev, the founder of the Russian expressionism.

Key words: *expressionism, typological accordance, Unamuno, Leonid Andreev, lost generation, analogy.*

Л.Н. ДМИТРИЕВСКАЯ
(Москва)

**ПЕЙЗАЖ В РОМАНЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
КАК ВОЗМОЖНАЯ АЛЛЮЗИЯ
НА «БОЖЕСТВЕННУЮ
КОМЕДИЮ» ДАНТЕ**

Определяется и иллюстрируется примерами функциональное сходство пейзажа в «Божественной комедии» Данте Алигьери и «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского. Прослеживается идея бесовского города в подтексте русского романа через частотное повторение морфемы бес- в словах разных частей речи.

Ключевые слова: «Божественная комедия», «Преступление и наказание», пейзаж, образ, аллюзия.

Ко времени написания романа «Преступление и наказание» (1866) «Божественная комедия» Данте Алигьери еще не была переведена на русский язык полностью. Не случайно Белинский с сожалением отмечал, что Данте не посчастливилось в России: его никто не переводил, о нем мало говорили... Безусловно, образованные круги XIX в. знали «Божественную поэму», по крайней мере в немецком или французском переводе. В 1830-е гг. С.П. Шевырев даже защитил диссертацию «Дант и его век», напечатанную в «Ученых записках имп. Московского университета» за 1833–1834 гг. Однако полный перевод первой части «Ад» с сохранением стихотворного размера (терцины)* сделал только в 1856 г. Дмитрий Егорович Мин, врач по образованию и основной профессии.

Ф.М. Достоевский не мог не знать всемирно известное произведение Данте, о котором благодаря переводам Д.Е. Мина** стали довольно много говорить и писать***. Однако вопрос об аллюзиях на «Божественную комедию» в пейзаже романа «Преступление и наказание», конечно, спорный и сложный, т.к.

* Перевод «Ада» Ф. Фан-Дима 1842–1848 гг. был сделан в прозе.

** В 1856 г. отдельным изданием вышел «Ад» в переводе Д.Е. Мина, а в 1865 г. в «Русском вестнике» была издана «Первая песнь Чистилища», переведенная им же.

*** Интересно, что все трое объединены еще и тем, что имеют отношение к медицине: Данте принадлежал к цеху аптекарей и врачей, Достоевский – сын врача, а Мин – сам врач.